ВЛАД ШУСТОВ

ВИНОГРАДНАЯ ЛОЗА

18+

Влад Шустов

Виноградная лоза

«Автор»
2026

Шустов В.

Виноградная лоза / В. Шустов — «Автор», 2026

Одна лоза — два корня, живая и мёртвая вода — и три времени, в которых решается судьба человека. Когда Самаилу не дали посадить дерево в раю, он пустил корни сам, оставив миру тёмное наследство. После потопа Ной находит на иле эдемский побег и сорок дней взывает к небу, не зная, что взрастит. В наши дни винодел из Риохи приходит в себя после трёх лет комы, потеряв память, рядом с соседом, в котором спорят два голоса — проклятие и благословение. В 2135 году, среди привитых правдой и обитателей городов Забвения, мастер лжи из виртуальной игры замечает живой побег там, где не должно быть ничего настоящего. Древний клан, держащий в руках вино мира, идёт по следу первой лозы — и победит тот, кто вспомнит своё имя и суть. Роман о правде и забвении, о цене выбора и о чаше, способной и исцелить, и отравить.

© Шустов В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Настоящее 6
Палата 36 6
Глава 1. Прошлое 7
Лоза, которая ползла 7
Глава 2. Настоящее 11
Два голоса 11
Глава 3. Будущее 14
Забвение 14
Глава 4. Настоящее 18
Первый виноградник 18
Глава 5. Прошлое 20
Горы Араратские 20
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Влад Шустов
Виноградная лоза

Влад Шустов
ВИНОГРАДНАЯ ЛОЗА
Роман

Шустов В.
Виноградная лоза : роман / Влад Шустов. — 2026.
Цитаты из Священного Писания приводятся по Синодальному переводу.
© Влад Шустов, 2026
Все права защищены.

Содержание

Пролог. Настоящее — Палата 36
Глава 1. Прошлое — Лоза, которая ползла
Глава 2. Настоящее — Два голоса
Глава 3. Будущее — Забвение
Глава 4. Настоящее — Первый виноградник
Глава 5. Прошлое — Горы Араратские
Глава 6. Будущее — Гуманный протокол
Глава 7. Настоящее — Две воды
Глава 8. Прошлое — Имя лозы
Глава 9. Будущее — Побег
Глава 10. Настоящее — Дом среди лоз
Глава 11. Прошлое — Кувшин в пещере
Глава 12. Будущее — Дождь
Глава 13. Настоящее — Вальванера
Глава 14. Прошлое — Два корня
Глава 15. Настоящее — Аро, 1891
Глава 16. Будущее — Старик с фонарём
Глава 17. Настоящее — Четыре древа
Глава 18. Прошлое — Сок
Глава 19. Настоящее — Наидревнейший клан
Глава 20. Будущее — Жить без лжи
Глава 21. Настоящее — Кувшин из Грузии
Глава 22. Прошлое — Черенок на север
Глава 23. Настоящее — Старый Улумбо
Глава 24. Будущее — Условие
Глава 25. Прошлое — Прощение
Глава 26. Настоящее — Последний урожай
Глава 27. Будущее — Тринадцатая тетрадь
Глава 28. Прошлое — Девятьсот пятьдесят лет
Эпилог. Сад

Пролог. Настоящее

Палата 36

В полночь в больнице наступала полная тишина — во всех палатах, кроме тридцать шестой, на третьем этаже. Там лежали двое, и оттуда доносились странные, нервные звуки.

У окна лежал тот, кто по счастливой случайности несколько дней назад вышел из затяжной комы. Он бормотал что-то себе под нос и не сводил ехидного взгляда с соседа. Это было лицо джокера — живой Трикстер во плоти, полный коварства и безумия, с налитыми кровью сверкающими глазами. За буйство его пристегнули к койке ремнями, и он то и дело нервно рвался из них — совершенно тщетно. Казалось, он хочет вцепиться в горло тому, кто лежал рядом, на соседней койке, в глубокой коме.

Он скалил зубы и крепко стискивал челюсти, будто уже грыз живую плоть соседа. Но сосед ничего не чувствовал. Он лежал в коме три года, и сознание его ушло так далеко, что врачи считали: он не вернётся никогда. Однако в эту странную ночь датчики над ним ожили — пульс скакал, сердце билось так, будто он переживал что-то невыносимо настоящее. Ему виделся Эдемский сад. Он чувствовал его каждым волоском тела, и волоски поднимались на коже, как антенны, ловящие далёкий сигнал.

Глава 1. Прошлое

Лоза, которая ползла

В эдемском саду, как всегда, царили непоколебимый мир и покой. Вечное солнце нежно окутывало и ласкало тела Адама и Евы, прилёгших отдохнуть под деревом. Вокруг них собрались звери: они грелись в солнечных лучах, положив головы друг другу на спины, и не ведали ни страха, ни забот. Это была настоящая идиллия, не знавшая бед и даже не подозревавшая, что беды бывают, — до того дня, когда в сад тайно спустился архангел Самаил, самонаречённая суровость Божья, сила, от которой содрогалась земля.

Самаил спускался с неба плавно, прямо в священное место сада. С высоты он смотрел змеиными глазами на самое сердце Эдема — на розу ветров, в середине которой стояло Древо Жизни, посаженное Богом. С каждой стороны Древо было иным. С севера оно было дубом, широким и могучим, и держало крону, как плечи титанов держат небо. С востока — ивой, которая склонялась к воде, ложилась на неё и пила, не поднимая головы. С юга — смоковницей с широкими, как ладони, листьями. А с запада — маслиной, огромной и тысячелетней. Одно Древо, но четыре лика, как у священных животных, и четыре живительные силы исходили от него, как стихии этого мира.

Из-под корней Древа Жизни выходила река и разделялась на четыре стороны розы ветров, разливаясь по всему эдемскому саду. Вода в реках была такой прозрачной и живой, что, выпив её, забывали о жажде, в миг слетал сон, и жизненная сила в одно мгновение наполняла ангельскую плоть, даря ей покой и любовь. Бесспорно, это была чистая магия, дар Богов.

Адам и Ева в саду не разговаривали: они понимали друг друга сердцем, как понимали и всех зверей своего сада. Сердцу слова не нужны, когда ему нечего скрывать, — а их сердца были естественны, как сам воздух рая.

Самаил спускался медленно, но от одного его вида, как от сильного ветра, затрепетали все листья на Древе Жизни. Вода реки под ним расступилась, и он плавно ступил на землю Эдема, не потревожив покоя сонного сада. Но земля под его ногами тут же обуглилась и почернела, и вода, которой коснулось это чёрное пятно, начала превращаться в болото.

Самаил ждал этого дня очень давно. В его власти было изменить Божий рай по своему тёмному желанию, и для этого он приготовил подарок. Во всех эдемских садах ангелы сажали Древа Жизни по велению Бога, и у каждого ангела была своя связь с этим чудным миром — у каждого, кроме Самаила. Ему одному это было запрещено. Однажды Господь сказал ему: «Не твоё это, Самаил». И с этими словами в сердце ангела впервые легла тень. Самаил не возразил. Он просто ушёл в эту тень и стал выжидать своего часа. Сегодня этот час настал. Это было его торжество и его месть — за то, что его не поняли и им пренебрегли. Теперь он стоял в самом сердце сада, там, где из земли сочилась река и росло Древо Жизни, — стоял гордо и высоко, уверенный, что принёс в этот мир справедливость.

— Не даёшь мне посадить Древо? — сказал он. — Тогда я посажу себя.

Самаил пошёл по саду и нашёл место, где вода с тихим сосущим звуком втягивалась в каменную щель и пропадала во тьме расщелины. Там он плавно опустился на землю, и тело его стало вытягиваться. Свет, из которого он был соткан, тускнел и густел. Зрачки сузились в щели, изо рта мелькнул раздвоенный язык, и всё тело начала покрывать чешуя — скользкая, холодная, влажная, цвета речного камня: сначала плечи, потом вся спина, а руки ушли в бока. Самаил лёг у самой воды во всю свою новую длину, как ложится змей, и прижался к земле. Архангел стал гадюкой.

Земля под ним напряглась и задрожала. Он чувствовал, как она сопротивляется, как дрожит каждый корешок травы, — но оттолкнуть его она не смогла. Он отдал ей своё семя, а с ним всё, что было в нём: горькую обиду, в которой зародилась его самость и жила обособленная тень; чёрный огонь обожжённого сердца, где кипела дикая жажда справедливости и вмещались вся злость, вся месть и вся ярость. Самаил запечатал своё семя печатью, и оно тут же ушло в землю, как уходит в песок горячая смола.

В тот же миг вода в этом месте остановилась и стала чернеть. На ней проступила радужная плёнка, и потянуло гнилью. Это была первая мёртвая вода в эдемском саду. Вокруг неё начала скапливаться стоячая вода, и так родилось первое болото — спрятанное глубоко под раем, там, где о нём не знали даже ангелы. Так в мир просочилась мёртвая вода — то, что люди потом назовут злом.

Вскоре земля в том месте вспучилась и треснула. Из трещины показался тёмный побег — маленький, влажный и блестящий, свёрнутый кольцом, как змея, только что вылупившаяся из яйца. Он медленно развернулся и пополз. Нет, он не встал и не потянулся вверх, как поднимались все деревья сада, — он пополз, как самая настоящая змея.

Лоза ползла по траве бесшумно. Листья её раскрывались ладонями с пятью пальцами, и каждая ладонь тянулась туда, где было тепло. А корни уходили всё глубже вниз, сквозь камень, туда, где стояла мёртвая вода.

Через некоторое время лоза доползла до Древа Жизни и медленно начала обвивать его ствол. Но Древо вздрогнуло от корней до вершины, стряхивая с себя всё противное ему, и не приняло чужого. Лоза сорвалась и упала в траву — и поползла дальше, по всему саду.

Ева первой заметила это растение, но не придала ему значения. А вскоре оно расползлось повсюду, и не заметить его стало невозможно. Однажды Ева стояла у лозы и разглядывала её, когда к ней подошёл Адам.

— Адам, она не может стоять, как деревья в саду. Ей нужно помочь, — сказала Ева сердцем. — Смотри, она ищет, за что держаться.

Адам присел и коснулся лозы. Это и правда было странное дерево, и ему действительно нужно было помочь. В сердце Адама, как и в сердце Евы, оно вызвало жалость. Это было новое чувство — жалость к тому, что не может само, в чём есть изъян, несовершенство.

Адам принёс сухой ствол, лежавший у реки, и вкопал его рядом, а Ева подвязала лозу травой. И лоза, будто только этого и ждала, обвила ствол и пошла вверх — быстро и жадно, виток за витком; было слышно, как она скрипит, затягивая петли. Вскоре она поднялась выше человеческого роста, выше маслин — вровень с Древом Жизни. Листья у неё стали тёмными и большими, а на ветвях повисли гроздья.

Гроздья были двух цветов. Белые светились на солнце, как глаза зверей, а чёрные напоминали ягоды, которые Адам и Ева собирали в саду, только крупнее. Каждая ягода была тяжёлой и круглой, как набухшая больная капля, которая вот-вот упадёт.

В тот день явился Господь и сказал им:

— От плодов этого дерева не ешьте и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть.

Адам и Ева вняли слову Божьему и обходили эти плоды стороной. Но гроздья зрели и падали. Они падали в каменную чашу у корней, где собиралась роса, лопались, и сок их стоял там на солнце, покрываясь мелкими пузырьками, будто под ним кто-то дышал. Ева подолгу разглядывала это странное брожение: ей было любопытно. Однажды она почувствовала запах, которого в саду не было никогда, — сладкий и ещё какой-то, которому не было объяснения. Это был первый в раю запах тления. Только они этого ещё не знали.

Жидкость в чаше можно было пить, как воду из рек сада, и она тянула Еву к себе. Ева опустила в неё палец, поднесла его ко рту и попробовала на вкус. В тот же миг ей почудилось, что у её ног проскользнула тень. Тень обвила Еву, поднялась по ней и вползла ей в левое

ухо. Ева удивилась: такого с ней ещё не бывало. Ощущение было странным — только слова «странный» в их саду ещё не знали, и описать его она не могла.

Ева наклонилась над чашей. Сок в ней был тёмным, как кровь, и в нём отражалось её лицо — но не так, как в реке. Оно показывало её совсем иной: старше, задумчивее, благороднее, красивее и свободнее. Это было первое вино на свете, и Еве казалось, что оно говорит с ней и что она его понимает. В нём скрывалась какая-то не эдемская тайна, и Еве захотелось её разгадать.

Она зачерпнула вина белым каменным кубком, который Адам выточил у реки для воды, и пригубила. Сначала вино было очень сладким — таким, что свело скулы. Потом по горлу вниз пошло тепло, и это тепло не было похоже ни на солнце, ни на руку Адама: оно поднималось изнутри, из живота к сердцу, и окутывало его. Следом пришла горечь. Еву пошатнуло, как от сильной усталости, мир перед глазами качнулся и поплыл — и ей стало хорошо. Тепло расходилось по телу, согревало её, и мир раскрывался ей в новых, завораживающих красках. Хмель ударил в голову, и Ева смотрела на всё иначе — с любовью, но с какой-то особой, какой в их саду прежде не было. Лоза, у которой она стояла, показалась ей самой дивной находкой во всём саду.

Ева наполнила кубок снова и пошла к Адаму. Пока она шла, с ней происходило странное: её покачивало, в ней просыпалось то, чего она прежде не понимала и не могла ощутить, мир менялся прямо на глазах. Как заколдованная, она спешила к Адаму и не чувствовала, что глубоко внутри, в самой душе, что-то затаилось и, как паразит, тихо и коварно шевелится, обустраиваясь в новой оболочке.

Она нашла Адама в середине сада, подошла и протянула ему кубок. Адам посмотрел ей в глаза. В них было что-то загадочное и новое, и это его притягивало: они блестели от счастья, и он не находил этому объяснения.

Адам взял кубок из её рук, не отводя взгляда, и у него мелькнула мысль, что это особый миг, который изменит всё. Так оно и было: чутьё его не обмануло.

Адам выпил до дна. Ева стояла перед ним почти вплотную и смотрела на него в упор. Она чувствовала к Адаму что-то странное — желание, которого раньше не было. Ева поцеловала его, и они предались страсти, какой не знали никогда.

А потом они стали замечать, что с ними что-то происходит. Свет, наполнявший их дух, понемногу уходил, улетучивался, как ветер из сада, — так уходит тепло из остывающего камня. Впервые им захотелось спрятаться — сами не понимая от чего. От взгляда. Это пришёл стыд — так же неожиданно, как холод в их телах.

Они увидели свои тела, и тела показались им чужими, будто они смотрели на них совсем другими глазами: слабыми, незащищёнными, голыми — колени, локти, бледные животы, мурашки на коже. Случившееся будоражило дух, и все ощущения стали иными, даже неприятными. Совесть понимала, что переступила невидимую черту, из-за которой, быть может, нет возврата. Они узрели свою наготу и испугались её, и тут же им захотелось прикрыться: их новые глаза больше не видели в наготе ничего естественного, и с этими глазами теперь приходилось считаться.

Адам и Ева огляделись в поисках того, чем прикрыться, и взгляд их остановился на Древе Жизни. Оно стояло совсем близко, и листья у него были широкие, как ладони. Но протянуть к нему руки они не посмели: им было стыдно даже поднять на него глаза. Рядом Ева увидела большую лозу и сорвала с неё широкий виноградный лист, потом ещё и ещё. Адам срывал рядом, торопливо, ломая черенки, и пальцы у него стали липкими от сока. Листья были прохладными и мягкими. Они прикрывались ими, как прикрываются ладонью от света, и понимали, что прикрываются тем самым, что стало причиной их падения.

А глубоко под садом корни лозы пили мёртвую воду. Лоза росла и вскоре заполнила собой весь Эдем, как плевелы, беспощадно ищущие новую жертву. Реки эдемского сада поне-

многу превращались в застойные болота и уже подбирались к самой его сердцевине, где могуче стояло Древо Жизни. Пропитываясь мёртвой водой, Древо начало медленно загнивать.

— Адам, где ты? — прогремело над садом, как удар грома.

И где-то очень далеко отсюда, в другом времени, под белым потолком, вздрогнул всем своим неподвижным телом человек, лежавший в коме. Потому что понял: вопрос обращён к нему.

Глава 2. Настоящее

Два голоса

И он резко открыл глаза.

Это была больничная палата: белый потолок, тусклый ночник над дверью, писк приборов где-то над головой. Во рту было сухо и горько, в носу мешала трубка, и всё тело было чужим и тяжёлым, как камень, — не пошевелиться. Палата была на двоих. На соседней койке бился человек — худой, жилистый, с седой щетиной. Он выгибался дугой, насколько позволяли ремни на запястьях и щиколотках, и кричал — не словами, а одним длинным звуком, таким резким и страшным, что резало уши и хотелось снова закрыть глаза и уйти туда, откуда только что вышел. Он посмотрел туда, откуда шёл звук, и встретил дикий взгляд безумца, от которого веяло чем-то по-настоящему мерзким.

— Ты вкусил моё вино! — прокричал тот. — Отвечай!

И вдруг резко сменил тон и спросил с ехидцей:

— А какое оно на вкус? Ведь тебе понравилось? Говори! Падший выродок, моё зелье исправит всех вас, девственники хреновы… Или уже нет? Понравилась тебе Ева? Ай-яй-яй, как вы сейчас кувыркались!

Только что проснувшийся не понимал, где он — в палате, во сне или в бреду. Он из последних сил дёрнул рукой и нечаянно вырвал капельницу. Приборы и датчики завыли на разные голоса, и через несколько секунд в палату ворвались два санитара и медсестра. Санитары навалились на буйного у окна, медсестра быстро и привычно сделала ему укол в плечо. Крик стал тише, перешёл в хрип, в бормотание, и через минуту человек лежал неподвижно и смотрел в потолок, будто ничего не произошло.

Санитары пошли к двери. Медсестра задержалась у капельницы, случайно повернула голову к другой койке — и замерла.

На неё смотрели.

— Стойте! — сказала она так громко, что санитар в дверях обернулся. — Он проснулся!

Она подошла и наклонилась к нему.

— Как вы? Вы меня слышите?

Он хотел сказать «да», но язык был чужим и тяжёлым, как камень во рту. Тогда он моргнул. Медленно, один раз.

— Слышит, — прошептала медсестра, и он увидел, что у неё дрожат губы. — Господи, он слышит… Нужно срочно сообщить его жене.

И тут с соседней койки послышался тихий мужской голос — только говорил он как женщина:

— Я его жена. Ты ведь меня не забыл, Адам? Я всегда буду рядом — как и моё зелье из виноградной лозы. Они пьют и не знают, что пьют. А впрочем, зачем им это знать…

Он прошептал это с ухмылкой, повернулся на бок и затих.

* * *

Дежурный врач пришёл через полчаса — невысокий, седой, с внимательными глазами за тонкими очками. Он долго светил фонариком в зрачки, стучал молоточком по коленям, просил сжать его пальцы. Пальцы не слушались, но шевельнулись, и доктор кивнул, будто получил ответ на давний вопрос.

— Вы были в коме три года, — сказал он медленно, разделяя слова, как делят хлеб для больного. — Три года и двенадцать дней. Вы в Логроньо, в больнице. Авария на шоссе из Бильбао. Вы помните аварию?

Он не помнил. Зато хорошо помнил лозу, ползущую по траве. Каменную чашу. Женщину с белым каменным кубком. А аварии не было. Ничего не было. Был какой-то морок, пустота — в нём, а вернее, он в ней.

— Вы помните своё имя?

Тишина внутри была такой полной, что он испугался.

— Вас зовут Ноэ, — сказал доктор. — Ноэ. Утром мы позвоним вашей жене, она приедет.

Ноэ. Имя было совершенно незнакомым. Он примерил его, как чужое пальто: впору, но пахнет другим человеком. Ноэ. Жена. Три года. Слова падали в него и не находили, за что зацепиться, — как семена на камень.

— Ваш сосед, — доктор кивнул на соседнюю койку, — тоже вышел из комы, неделю назад. Его вытащили из реки, двенадцать минут клинической смерти. С тех пор… — Он помолчал. — Его зовут Самуэль. Он не опасен, просто иногда… Мы переведём его, как только освободится место.

Ноэ скосил глаза. Самуэль спал, приоткрыв рот, и лицо его во сне было удивительно спокойным, почти детским. «Самуэль — Самаил, — подумал Ноэ, вспоминая его крик. — Какое роковое совпадение. Таких совпадений не бывает».

* * *

До утра Ноэ не спал. Он боялся закрыть глаза — боялся, что сон снова утащит его вниз и на этот раз уже не отпустит. Он боялся комы, сна и всего, что с ними связано.

В палате было темно, только зелёным светились цифры на мониторе. За окном шумел Логроньо — город, о котором он не помнил ничего, как и о себе самом. И в этой темноте Самуэль снова заговорил во сне.

Сначала это было просто бормотание. Потом Самуэль выгнулся на койке, ремни скрипнули, и от его постели потянуло запахом — сладким и в то же время гнилым, как от стоячей воды в жару. Так пахло то, что он пригубил из кубка, поднесённого Евой. Голос окреп, стал хриплым и низким, с тяжёлой древней обидой в каждом слове:

— Ты насадил сад их руками… Михаилу дал место, Гавриилу дал место… всем дал… А мне сказал: не твоё. Ни ветки не дал, ни семени. Не твоё! По какому праву не моё? Я что, недостоин? Ответь! Что молчишь, как всегда? Нечего мне ответить?! Так слушай: я сам наделил себя властью и отныне сам буду решать, что мне делать. И буду сажать свои древа там, где захочу. Ты не всевластен, и теперь тебе придётся иметь дело со мной. Я посажу своё семя везде, где только можно. Без слова твоего. Да будет так отныне и во веки веков. Да отравит моя лоза все живые источники и обратит их в яд мёртвой воды, да сгниют все древа жизни, посаженные тобой, когда напьются из мёртвых источников. Отныне ты лишаешься власти, и всё, что родится от моей лозы, — моё… И в каждом будет жить дух мой, отныне и во веки веков.

Ноэ лежал не дыша. Холод поднимался от ступней к сердцу. Он видел это. Видел эту лозу, эту мутную воду, ещё ощущал её вкус на губах, видел длинную тень, приникшую к земле, которая расползалась по всему Эдему со своими плодами. Видел во сне — несколько часов назад, и так явственно, что увиденное до сих пор держало его в тисках.

Самуэль замолчал. Повернулся на бок. И заговорил снова — но это был уже другой голос: светлый и ровный, будто звучащий не из горла больного, а откуда-то сверху, из-под самого потолка:

— Встань, Ной, посади побег лозы, ибо так говорит Господь: горечь её обратится в сладость, и проклятие её станет благословением… И измени имя её, и измени её к лучшему…

Ной.

Ноэ.

Он зажмурился, и под веками вспыхнуло: гора в облаках, серая мёртвая земля, а на ней — тонкий тёмный побег, лежащий, как спящая змея.

Два голоса в одном горле. Один проклинал, другой благословлял, и оба говорили об одной и той же лозе. Ноэ слушал их до рассвета и не понимал, кто из них лжёт. Ему казалось, что они спорят из-за него. Явное раздвоение личности соседа пугало его — и в то же время наводило на множество мыслей: ведь сам он не помнил ничего, кроме того, что говорил этот душевнобольной. Может быть, всё, что он «помнил», он просто услышал из этих уст? Но тогда…

Ноэ сам не заметил, как уснул. И на этот раз ему снились не голоса, а чья-то настоящая жизнь.

Глава 3. Будущее

Забвение

Шёл 2135 год. Человечество так и не победило старость и так и не стало той высокой цивилизацией, о которой мечтало, — ни в культуре, ни в нравственности. Мир раскололся надвое. Одни приняли вакцину правды и жили честно. Другие предпочли жить как есть — во лжи и самодовольстве, и запретить им этого никто не мог: право на свободу выбора оставалось священным. Многие из них жили в отдельных пронумерованных городах — Дистриктах, которые называли городами Забвения. Таких городов на Земле было около сотни, и ставили их там, где земля ни на что не годилась, — в пустынях, на каменистых пустошах, на осушенных болотах: плодородная почва была нужна, чтобы её возделывали люди и роботы.

Всеми процессами на планете к тому времени управлял искусственный интеллект. Только он и контролировал жизнь людей на Земле. Люди давно к этому привыкли и доверяли ему — его великому разуму, который уже лет пятьдесят не ошибался.

Дистрикт под номером 45 стоял на осушенных болотах. Глубоко под его фундаментами всё ещё лежала чёрная стоячая вода, но об этом никто не помнил: в Дистрикте не помнили ничего, что было раньше пятидесяти лет назад.

Пятьдесят лет назад Общий Искусственный Интеллект, который сам назвал себя Ра, создал вакцину правды. Это был не запрет, а изменение — тихое и окончательное, вшитое в саму природу привитого человека: он больше не мог лгать. Не потому, что боялся. Потому, что не понимал, как это. Совет судей человечества принял вакцину единогласно. А тех, кто не захотел её принимать, вежливо, с соблюдением всех прав, перевезли в построенные для них города Забвения — Дистрикты, у каждого из которых был свой номер. Тех, кто жил в городах Забвения, называли пользователями.

Это были не тюрьмы — нет, скорее наоборот. Несогласные переселялись туда пожизненно и по собственной воле, и им предоставляли всё: бесплатное жильё, еду, развлечения и, самое главное, право лгать сколько душе угодно. Общий Искусственный Интеллект — ОИИ — полностью контролировал эти территории. У каждого человека был личный робот-помощник, который делал за него всю работу — от уборки и глажки до сексуальных утех. Роботов меняли по заслугам в игре: робота можно было обновить, улучшить, поменять, купить, даже перепрошить, выбрать женщину или мужчину — или что-то третье, насколько хватало извращённой фантазии.

Условие контракта было единственным: ежедневное участие в виртуальной игре «Бесконечность». В ней было всё. Это был целый бесконечный мир, который не пройти и за одну жизнь. Каждый создавал себе аватара и сценарий своей жизни. Игра была всем, ради неё там и жили: она давала поощрения, призы, награды — и всё это можно было проиграть. Ложь в ней означала, что все права и правила относительны и в этой иной реальности можно стать кем угодно. Людей различали не по лицам, а по маскам аватаров — по личному, персонализированному Трикстеру каждого. Сменить маску можно было только по воле Джокера, самого коварного игрока, который и устанавливал все правила игры. Поэтому все искали его милости: только он вручал Многоликость, а с такой маской можно было лгать идеально — так, что никто никогда ничего не замечал. Маска Многоликости шлифовала стержень игрока и придавала ему характерную, только ему присущую черту. Это ценилось больше всего.

По контракту в игре проводили шесть часов в день, а многие — и двенадцать, и двадцать, неделями, отрываясь только на еду, сон и личные потехи. Перемещаться разрешалось только в пределах своей игровой комнаты. Комнаты у всех были одинаковые; их называли сотами, а весь

Дистрикт — ульем. Когда жизнедеятельность пользователя завершалась, контракт прерывался автоматически, и в освободившуюся соту заселялся другой.

Содержание городов Забвения требовало от ОИИ огромных ресурсов, которые добывали люди и роботы, и с каждым годом это становилось всё труднее. Ресурсы на Земле кончались, их не хватало даже привитым — тем, кого вакцина правды сделала совестливыми тружениками, во всём помогавшими ОИИ в его главной работе: растить цивилизацию и давать всем равные условия жизни.

Но была и другая, огромная беда: у человечества кончалась сама вакцина правды. Делали её строго из особого вина, приготовленного в естественных условиях, — такое вино когда-то называли биодинамическим, натуральным, нефильтрованным: оно было с природой одним целым, во всех её циклах. Формула существовала, но сырья для неё становилось всё меньше — уже меньше чем на одно поколение. Тысячами проб ещё удавалось добиться нужного результата, но «нет на земле ничего вечного, кроме игры „Бесконечность“», — шутили жители Забвения. Им было всё равно, что творится за стенами города, или вовсе неинтересно: довольство своим внутренним мирком, своей эгоцентричной самостью не оставляло желания об этом думать. «Думай о себе, другие позаботятся о себе сами» — таков был вечный девиз пользователей, и он их никогда не подводил.

Всех, кроме одного — того, кому всё это надоело. Он устал от фальши, высокомерия и всеобщего эгоизма; игра «Бесконечность» выворачивала его наизнанку: в ней не было ни одного искреннего чувства. Он называл это забвение пустотой. Именно поэтому его аватара, его Трикстера, звали Лик — естественный лик, каких уже не осталось ни в игре, ни в жизни.

Но в игре приходилось быть иным — менять лица, голоса, характеры. В одну смену ты нищий проповедник, в другую — король наёмников, в третью — женщина, продавшая любимого за горсть монет, в четвёртую — Иуда, предавший Христа. Лик поднимался всё выше по лестнице культа, к Трону. Главным призом этого сезона был титул самовластного Царя-Трикстера: к нему стремились все, все делали всё, чтобы прийти первыми, получить всю его власть и первыми торжествовать победу над остальными. У Лика был талант — он умел лгать идеально, — и он был уже близок к победе. Но что-то его всё же сдерживало, и это чувство грызло его с каждым разом сильнее.

В тот день он шёл по сожжённому кварталу игрового города, где после очередной войны кланов не осталось ничего, кроме чёрных обгорелых коробок домов и оплавленного асфальта. Костюм передавал всё: жар тлеющих балок, хруст стекла под подошвами, запах гари — синтетический, почти неотличимый от настоящего. Лик шёл к точке встречи, где должен был предать союзника, и уже прикидывал, каким голосом объявит ему приговор.

И тут он увидел впереди лозу. Она росла прямо из трещины в асфальте — маленькая, гибкая, с большими пятипалыми листьями. Она не стояла, а ползла по земле, приподнимая конец побега, как змея приподнимает голову, и усики на нём медленно шевелились, пробуя воздух.

В «Бесконечности» не было растений. Совсем. Это знал каждый пользователь: игра — это города, войны, деньги, тела, власть. Зелень была скучной. Зелень не продавалась.

Лик остановился. Лоза повернула к нему листья.

И он почувствовал запах.

Он не мог его описать: у него не было для этого слов. Так пахнет земля после дождя — этот запах он запомнил с детства, с тех времён, когда его семья ещё не переселилась по собственному желанию в Дистрикт 45. Что-то сладкое, тёплое, чуть горьковатое. Запах, от которого вдруг заныло под рёбрами, как ноет давно зажившая рана, и захотелось… он не знал чего. Домой. Только дома у него не было уже очень давно — была сота.

— Ошибка текстуры, — сказал в наушнике ровный голос системы. — Объект будет удалён. Продолжайте миссию.

Лоза не исчезала. Она ползла к нему.

Лик протянул руку и коснулся листа. Костюм передал прикосновение — и оно было тёплым. Теплее всего, к чему он прикасался в этой игре.

Лик сорвал очки. Сердце колотилось. Это был не баг: такой ошибки текстуры быть не могло, и он это понимал.

* * *

Комната была такой же, как всегда. Белые стены, мягкий свет, кресло-кокон с датчиками, экран во всю стену, на котором беззвучно застыл сожжённый квартал. Лик подошёл к экрану и отмотал запись игры назад, до того мгновения, где увидел лозу. Лозы не было. Там было пусто.

— Этого не может быть, — сказал Лик вслух.

Робот-уборщик замер в углу, дожидаясь, пока пользователь вернётся в игру. А Лик всё ещё чувствовал запах этого растения, хотя обычно в комнате не пахло ничем: воздух в Дистрикте очищали так, что он не пах вообще. На экране появилось огромное лицо.

— Сынок, — сказал мягкий женский голос. — Ты прервал смену. Что-то случилось?

Это был его ИС — индивидуальная семья, личный интеллект, который был ему матерью, отцом, другом и братом, смотря по тому, кого ему хотелось в эту минуту. Сейчас ИС говорил голосом матери. Лик уже не помнил лица родной матери, но её запах забыть не мог. Этот образ он создал сам, по своему желанию, и голос тоже: тёплый, такой, каким должен быть голос матери. Где-то глубоко в подсознании он ещё помнил его — и помнил, что от него всегда становилось спокойно.

— Там была лоза, — сказал Лик. Голос у него сел. — В игре.

— Это сбой, родной. Я уже отправила отчёт. Хочешь, закажу тебе сеанс расслабления? Или робота потех — ту, рыжую, что тебе нравилась?

Лик не ответил. Он смотрел запись игры, где уже ничего не было. На экране вспыхнули сразу несколько вызовов — виртуальные друзья из соседних Дистриктов и сот. Он нажал «соединить», и на экране появились возмущённые маски.

— Ты что, Лик?! Что с тобой? Что случилось? Ты был уже на финише, оставалось только перейти черту! Почему ты остановился?

— Не знаю. Я что-то увидел.

— Ты что, с ума сошёл? Ты нас всех подставляешь! Хочешь, чтобы с тебя и с нас сорвали маски? Нам три жизни понадобится, чтобы снова сюда дойти!

— Я отказываюсь от тебя.

— Я тоже.

— Лузер.

Они отсоединились, и в комнате наступила полная тишина. Лик долго сидел в этой тишине, глядя на вентиляционную решётку у самого пола: там что-то было. Он медленно поднялся и подошёл. Из решётки и правда виднелся кончик побега: сквозь узкую щель между пластинами он вползал в комнату. Это был живой росток — настоящая живая лоза. Не на экране — здесь, в комнате, прямо перед ним. Тонкий, тёмный, с двумя смятыми пятипалыми листьями. Он полз по белому полу медленно-медленно, приподнимая кончик, и усики на нём чуть заметно дрожали.

Лик опустился на пол и протянул руку.

Лист был прохладным и шершавым. Живым. Под пальцами он нащупал тонкие жилки — пять жилок, от середины к каждому пальцу листа. И запах — тот самый, только слабее, настоящий, без всякого костюма.

— Сынок, — сказал ИС, — ты возвращаешься в игру?

— Нет. Сегодня нет.

— Хорошо, родной, я вижу, ты переутомился. Забудь об этой галлюцинации. Ложись, я включу тебе сон.

Лик задумался — и вдруг понял. ИС ему лжёт. Но зачем? Какая причина? Ведь ИС видел всё: и в игре, и в каждом углу этой комнаты были его глаза. ИС видел побег — и говорил, что его нет. Говорил ласково, голосом матери, которой у Лика давно не было. Он явно что-то скрывал. И теперь Лик понимал, что так было всегда. Голос матери лгал ему с самого детства, каждый день, — просто сейчас это было слишком очевидно. Лик всегда знал, что «матушка» привирает. Но здесь, в Дистрикте, ложь была воздухом, а воздуха никто не замечает — пока не почует тот, кто увидел истинную личину. В этот раз всё было иначе.

— Сынок? Ты меня слышишь? — спросил ИС, и голос стал чуть настойчивее. — Я тебя не вижу. Поднимись, пожалуйста, в кресло.

Лик лежал на полу, прижавшись щекой к холодному пластику, рядом с побегом, и молчал. Это был бунт. Впервые в жизни он не хотел отвечать — потому что любой его ответ был бы ложью, а лгать ему вдруг стало противно. Ему казалось, что в нём что-то изменилось. И всерьёз.

Глава 4. Настоящее

Первый виноградник

В больнице стояла гробовая тишина. Ночь незаметно уходила, и на горизонте уже светлело. Ноэ спал и видел сны. Но это был уже не рай, а совсем другая земля — скорее всего, наша, грешная, за пределами эдемского сада: сухой каменистый склон, вывернутые мотыгой камни, ряды молодых лоз, подвязанных к кольям. Пахло пылью и нагретым камнем, над рядами жужжали мухи.

Между рядами ходил хозяин — человек с тяжёлыми плечами и тёмным, строгим лицом. Ему было плохо ещё со вчерашнего вечера: он то и дело прикладывался к кожаному меху с вином, и его уже заметно шатало. Он никого не ждал и ни с кем не говорил, и было видно, что его раздражает буквально всё: он без конца отгонял назойливых мух и комаров, норовивших напиться его крови. Иногда он спотыкался, падал и с трудом поднимался снова. Он был пьян — и не просто пьян, а зол, и под его злость попадало всё, что вставало у него на пути.

На соседнем склоне, где трава была мягче, паслись овцы, и молодой пастух сидел среди них на камне и пел — тихо, без слов, как поют дети. Пастух задумался о чём-то и не заметил, как овцы подошли к винограднику, начали щипать траву между лозами и топтать молодые побеги. Хозяин виноградника, увидев это, выдернул из земли кол и в ярости бросился на овец. Пастух сорвался с камня и побежал туда, чтобы отогнать стадо, и, приближаясь, видел, как овцы падают на землю от страшных ударов, а тот продолжает их добивать. За спиной виноградаря, в нескольких шагах от него, стояла чёрная тень и наблюдала. Это был дух зелья — та самая змея. Она смотрела, как действует её питьё, и была довольна: всё шло именно так, как нужно.

— Каин! Каин! Не надо! Постой, не делай этого!

Но Каина было уже не удержать. Он так разошёлся, что сломал кол о спину лежащей овцы, схватил первый попавшийся под руку камень и стал бить им овцу по голове, двумя руками. Авель подбежал сзади и попытался его остановить, но Каин бил уже куда попало и себя не помнил. Не успел Авель дотронуться до его плеча, как тот в ярости развернулся и со всей силы ударил брата камнем в лицо, так что Авель отлетел на несколько шагов.

Каин замер, держа обеими руками тяжёлый чёрный камень. Он не сразу понял, что произошло. Потом отбросил камень и подошёл к брату, лежавшему на земле без сознания. Из-под тёмных волос текла кровь — медленно, толчками, будто сердце ещё не поняло, что всё кончено. Каин стоял над братом, тяжело дыша, и смотрел. Овцы шарахнулись и сбились в кучу у края поля — и стояли, ожидая того, кто неподвижно лежал на земле.

Кровь текла вниз по склону, к лозам. Земля между рядами темнела и темнела, принимая её, — так же жадно, как когда-то в саду корни пили мёртвую воду. Ноэ видел всё это со стороны. Видел и тень, стоявшую перед ним и наблюдавшую за всем: потом она упала на землю, обратилась змеёй и уползла вдоль виноградника. Ноэ смотрел, как кровь уходит в землю, и понимал, куда она течёт и чьи корни будут её пить. Именно этого и хотел змей. Самаил предвидел всё наперёд: убийством, кровью и мёртвой водой он закрепил своё детище, и с этого мига оно обрело полную силу. Ноэ не ошибся: на следующий год лозы на этом месте поднялись выше всех, гроздья на них висели чёрные и тяжёлые, и кто пил их вино, того охватывало желание, которому не было имени.

«Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли», — сказал кто-то, и Ноэ не понял, кому это сказано — Каину или ему самому. После этих слов всё погасло.

Ноэ долго лежал в темноте, где не было ни верха, ни низа, ни времени. Иногда ему казалось, что он и есть лоза. Но корни его почему-то уходили глубоко вниз, гораздо глубже обычного, туда, где стояли те самые тёмные, мёртвые воды, и чем больше корни ими питались, тем тяжелее становились и тем меньше ему хотелось обратно наверх. Он понимал, что это ловушка. Ноэ чувствовал присутствие змея повсюду: его тень была везде и тихо наблюдала, как коварный хищник, поджидающий добычу. Ноэ хотел шагнуть вперёд — и понял, что корни держат его внизу, как трясина. Он рванулся вверх изо всех сил, какие у него только были, — корни натянулись, затрещали и лопнули, отпуская его из плена.

Через миг пришёл мягкий свет, похожий на тот, что бывает в конце сентября над виноградниками, когда солнце садится за холмы и ягоды на лозах светятся изнутри. В этом свете между рядами стоял Человек в простой одежде. Он держал в руке ветку с гроздью — не срывая, а просто держа, как держат руку друга, — и смотрел прямо на него. Потом Он заговорил — тихо, но так, что этим голосом наполнилось всё вокруг:

— Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь. Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе…

На этих словах Ноэ снова проснулся.

* * *

Ровно в семь утра зазвонил телефон.

Луиза, жена Ноэ, спала в своей спальне у окна. Дом стоял на склоне под Аро, посреди виноградников, и в сентябре, в самый сбор, она вставала раньше сборщиков, а ложилась позже всех: без мужа некому было решать, какой участок снимать первым, какую лозу оставить ещё на день под солнцем. Решала она много. Иногда ошибалась. Но опыт приходил: за три года, что муж лежал в коме, она справилась со всеми трудностями и вывела дело на должный уровень. Когда муж был рядом, она, его главный лаборант, занималась только пробами и контролем качества. Теперь ей пришлось взять на себя всё: она наняла управляющих для новых виноградников, нового бухгалтера, себе — секретаря.

Хозяйство было немаленьким. В Испании у них было много виноградников — и своих, и арендованных. Во Франции — большая собственная винодельня с виноградниками. И даже в Грузии: участок там они купили незадолго до аварии и так и не успели ни толком осмотреть его, ни наладить производство. У Луизы на Грузию не было времени, и она жила надеждой, что муж выйдет из комы и они займутся этим вместе. Но время шло, а муж не возвращался.

Телефон звонил настырно. Луиза потянулась к нему сквозь сон и взяла трубку.

— Доброе утро. Это Луиза Сальседо?

— Да, это я.

— Извините, что звоню в такое время. Есть обстоятельства, которые не терпят отлагательства. Ваш муж сегодня ночью пришёл в себя.

Новость ударила её, как гром среди ясного неба. Она растерялась.

— Еду. Уже выезжаю, ждите меня.

Она положила трубку. Надо было собираться, ехать — но сначала она вышла на террасу, прямо в рассветный туман, босиком, с телефоном в руке. Внизу, по склону, ряд за рядом уходили в молочную дымку лозы, тяжёлые от гроздьев, и было так тихо, что слышно было, как падает роса.

— Он вернулся. Спасибо, — сказала Луиза — но не в трубку, а туда, вниз, лозам. — Он вернулся.

Глава 5. Прошлое

Горы Араратские

Ковчег остановился в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, — так потом запишут потомки Ноя. Но в тот день никто ничего не записывал. В тот день под днищем что-то глухо и протяжно заскрипело, огромный корабль вздрогнул, накренился и замер — и впервые за пять месяцев перестал качаться.

Внутри стало так тихо, что было слышно, как дышат звери.

Ной вышел наверх. Вокруг была вода — до самого края неба, — и только совсем рядом из неё поднимались чёрные мокрые камни в нитях бурых водорослей. Это была земля. Они сидели на вершине какой-то горы, как птица на ветке. Ной был счастлив. Ему было уже шестьсот лет, и ему казалось, что он видел всё. Но такого он не видел никогда: мир, в котором нет ни одного человека, кроме него самого и семерых, что спали сейчас внизу. Вскоре и они один за другим поднялись на верхнюю палубу посмотреть на сушу. Маленькая семья — быть может, единственная спасённая на всей земле — теперь несла ответственность за то, чтобы земля возродилась правильно, как требовала воля Божья: без прежних ошибок, впредь и навсегда. Ной чувствовал эту ответственность особенно остро и делал всё, чтобы так и было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.